
ПИСЬМА

О войнѣ съ Закубанцами.

Крѣпость Усть-Лаба. Окт. 8, 1830 г.

Можетъ быть въ началѣ будущаго Ноября мѣсяца и я буду , какъ ты , Платонъ , жить на берегахъ Чернаго моря , и по его осеннимъ свирѣпымъ волнамъ , изъ Анапы , при восточномъ бурномъ вѣтрѣ , изъ глубины моего безнадежнаго сердца вырвется и понесется въ О... тяжелый вздохъ воспоминаній!... Но долетитъ-ли онъ и почувствуетъ-ли его... Кто? — Нѣтъ, Платонъ, кажется, что и въ нынѣшнемъ году мнѣ не удастся быть въ Од... и обнять тебя , друга моего искренняго ! Необыкновенная , длинная и утомительная война , пред-

принимаемая съ Кавказскими народами, окончится, я полагаю, не ранѣе прехъ лѣтъ, и быть не можетъ короче, если рѣшено, чтобъ этоюъ своевольный, разноплеменный народъ, обломки варварскихъ разрушившихся царствъ, покорить прочно и навсегда. Вотъ что теперь дѣлается на правомъ флангѣ линіи.

Полки 20-й дивизіи, занимавшіе въ продолженіе прошлой зимы Баязетъ, Арзрумъ и Карсъ, маршируютъ отъ обѣтованной земли въ Черноморіе, отъ Евфрата за Кубань.

Между тѣмъ, за Кубанью, въ 70-ти верстахъ отъ Усть-Лабинской крѣпости, на рѣчкѣ Бѣлой, и въ 25-ти верстахъ отъ Екашеринодара, на рѣчкахъ Шебжѣ и Афипсѣ, нашими не большими отрядами строятся важныя укрѣпленія, и для войскъ, состоящихъ собратъ въ Усть-Лабинскъ къ 1-му Октября, заготавливается и, на 800 подводкахъ, перевозится за Кубань провіантъ, овесъ и водка. Въ самыхъ укрѣпленіяхъ строятся казармы, лазареты и готовится на зиму сѣно.

Первое, при Длинномъ Лѣсѣ, укрѣпленіе, поставлено на границахъ Абазеховъ съ Темиргойцами, съ Кемкойцами и проч.

Въ продолженіе всего лѣта они не мѣшали намъ основываться для ихъ покоренія, за то и ихъ не трогали: почти подъ нашими выстрѣлами, они безпрепятственно собирали хлѣбъ, косили сѣно, пасли стада. Напротивъ того, при построеніи крѣпости на рѣчкахъ Шебжѣ и Афипсѣ, въ землѣ Сапчуговъ, мы встрѣчали большія сопротивленія:

Сапчуги сильными партиями, и даже однажды с двумя полевыми орудиями, нападали на наших работающих, на транспорты, и во время водопоя. Сентября 23-го, в 7-мь часовъ вечера приѣхалъ изъ Ставрополя въ Усть-Лабу Главнокомандующій, гдѣ и пробылъ до 8-го Октября. Въ продолженіе сего времени были переправляемы за Кубань, въ укрѣпленіе при Длинномъ Лѣсѣ, послѣдніе съ провіансомъ транспорты и послѣдніе баталіоны 20-й дивизіи; представлялись къ Эриванскому, живущіе за Кубанью, мирные Князья, и наконецъ, передъ отъѣздомъ Графа въ Екатеринодаръ, явился къ нему съ небольшою свитою и славный Темыргорскій Князь и разбойникъ — *Джембулатъ*. Этого необыкновенной храбрости человекъ и страстный любитель наѣздническихъ дерзостей, очень много дѣлалъ вреда для Кавказской Линіи и храбро сопротивлялся нашимъ, по большей части метеорнымъ отрядамъ, являвшимся за Кубань, можно сказать за бараншою! Вотъ одинъ изъ дерзкихъ подвиговъ Джембулата: «Во время моего командованія за Кубанью,» говорилъ мнѣ К. Б. Ч., «одинъ изъ сподвижниковъ Джембулата былъ убитъ и свалился съ своего коня близъ нашего фронта; Джембулатъ подлетѣлъ къ фронту, соскочилъ съ лошади, схватилъ своего убитаго сподвижника, перевалилъ черезъ сѣдло, вспрыгнулъ на коня — и ускакалъ!...» Джембулатъ росту маленькаго и съ болѣзненнымъ, какъ послѣ желчной горьчки, лицомъ; но глаза орлиные.

Три или четыре человекъ, вчера прибывшіе съ симъ удалымъ наѣздникомъ изъ за Кубани, были на

другое утро, 7-го числа, въѣхавъ съ мирными Князьями и Узденями, представлены предъ Фельдмаршала. Мирные, вчера еще, получили отъ Графа разнаго рода подарки, и видя его ласковое съ ними обхожденіе; сплотившись смѣле, разговорчивѣе, и разсматривали Графа Эриванскаго съ удивительнымъ прістодушіемъ. Но Джембулашъ, пощупивъ глаза въ зѣмлю, выпоявъ молча, неподвижно, взгляды на Главкомадующаго изрядка, ошорывисто.

Передъ концомъ сего представленія, я былъ, на минуточку, овлеченъ отъ дальнѣйшаго наблюденія вопросами о исполненіи небольшого моего порученія. Вдругъ слышу слова переводчика: Ваше Сіятельство! Джембулашъ говоритъ, что онъ въ первый разъ въ жизни своей перѣхалъ чрезъ Кубань добровольно, съ покорностію, предъ Вашимъ Сіятельствомъ.

Сегодня, 8-го Октября, опять въ мирные и немилые до сего Князья, съ ихъ Узденями, будутъ представлены Фельдмаршалу; зачѣмъ — не знаю. И сегодня, въ 8-мъ часовъ утра, я выѣхалъ изъ Усть-Лабинской Крѣпости въ Екатеринодаръ; Главнокомандующій также сего утра ѣдетъ въ Черноморіе.

2.

Екатеринодаръ, 11 Октября.

Что тебѣ сказать о единственномъ городѣ Черноморья? Это пребогатая, красивая деревня, съ панишчи, до 3-хъ верстъ, прямыми улицами. на
 1831. 28.

каких преглубокая грязь лежит не менее полугода. Домовъ, домиковъ и хижинъ въ Екатеринодарѣ до 13000; нѣкоторые изъ первыхъ покрыты желѣзомъ и выкрашены зеленою краскою, остальные всѣ стоятъ подъ соломенными крышами и по наружности довольно опрятны. При каждомъ домѣ и домикѣ есть просторный, огороженный досками дворъ, и въ каждомъ дворѣ непременно садикъ. Весною, обширный Екатеринодаръ стоитъ въ саду, что очень веселитъ въѣзжающаго сюда въ первый разъ; но кто уже знакомъ съ симъ городомъ — деревнею, тотъ прямо несется на почтовый дворъ, торопясь запрягать свѣжихъ лошадей и безъ оглядки ѣдетъ далѣе.

Въ Сентябрѣ мѣсяцъ прѣхаетъ сюда на легкѣ, по дѣламъ службы, я долженъ былъ пробывать здѣсь двое сутокъ — безъ обѣда.

Въ Юго-восточной сторонѣ города построено чеширекъ-угольное земляное укрѣпленіе; пять, шесть небольшого калибра крѣпостныхъ орудій составляютъ его вооруженіе. Орудія стоятъ на кронъ бруствера и, не имѣя подъ своими стаяками помостовъ, вдавились въ землю по самымъ осн. Къ этой исправности еще другая: изъ города въ укрѣпленіе и обратно, для сокращенія пути, чрезъ ровъ и брустверь проложены пропѣлки; кто польнитъ-ся идти въ укрѣпленіе мостикомъ съ раскрасшенными перилами, подъ раскрасшеннымъ шлагбаумомъ, тотъ лѣзетъ въ крѣпость, прямо, черезъ брустверъ. Такого рода безпечность сильно доказываетъ, что Екатеринодаръ съ давняго времени безопасенъ для на-бѣговъ Горцевъ.

Внутри укрѣпленія есть до тридцати каменныхъ, покрытыхъ желѣзомъ флигелей: это лазареты и казармы, выстроенные на счетъ Войсковой суммы; архитектура плохая, издержки важныя.

Наконецъ, посреди сего небрежнаго укрѣпленія, и не красивыхъ, но дорогихъ строеній, какъ туча черная возвышается шести-главый деревянный огромный соборъ, который во время сильнаго вѣтра шевелится и на молящихся въ ономъ наводитъ страхъ. Какихъ издержекъ и трудовъ стоило, чѣмъ на созданіе сего удивительнаго, можно сказать, срубленнаго изъ лучинокъ, храма доставивъ съ Волги такое множество сосновыхъ, толщиною въ 4 вершка, брусевъ! Теперь въ Екатеринодарѣ отъ Войска устроены кирпичные заводы. Очень жаль, что эта мысль не пришла въ голову до построенія собора.

Октябръ 12, въ Воскресенье, Фельдмаршалъ былъ въ соборѣ у обѣдни. Онъ удивлялся огромности сего попорнаго зданія, тѣмъ болѣе, что оно поставлено просто на землѣ, безъ фундамента, и стоитъ уже болѣе тридцати лѣтъ. Иконостасъ въ соборѣ богатый, пѣвчіе прекрасныя. Разумѣется, что въ этотъ день почти всѣ жители Екатеринодара были у обѣдни. Изъ множества Черноморцевъ, молившихся тогда въ соборѣ, я не видалъ ни одного здороваго лица: всѣ желтоблѣдныя, лихорадочныя. Екатеринодаръ выстроенъ на низменномъ, почти болотистомъ, мѣстѣ, и кромѣ сего солоноватая колодезная вода его очень вредитъ здоровью.

Завтра Фельдмаршалъ ѣдетъ за Кубань къ войску, долженствующему собраться въ новомъ, на Шебжѣ, укрѣпленіи. Прощай! До возвращенія моего изъ за Кубани не жди отъ меня писемъ: во время сей кампаніи и самыя важнѣйшія сообщенія бумагъ прекращаются.

3.

Екатеринодаръ, 9 Ноября.

Я опять въ Екатеринодарѣ. Надежда моя, побывать въ Анапѣ, не сбылась. Послѣ двадцати-дневнаго, военнаго, по горамъ и лѣсамъ путешествія, войска наши возвратились въ Черноморіе, и по куренямъ его расходились на зимнія квартиры. Погода споконъ пренесносная: изъ чешырехъ временъ года здѣсь составилось пятое; ты можешь вообразить себѣ каково оно!...

Я далъ слово разсказать тебѣ о нынѣшней за-Кубанской кампаніи, и хочу сдержать его — слушай:

Прошлаго Октябрю 13-го числа, Графъ Паскевичъ-Эриванскій выѣхалъ изъ Екатеринодара за Кубань; и въ тотъ-же день, не смотря на проливной дождь, проѣхавъ верхомъ 35 верстъ, въ 3 часа вечера, прибылъ во вновь выстроенную крѣпость на рѣкѣ Шебжѣ. Крѣпость сія опять Кубани опстоитъ въ 25-ти верстахъ, и по-казацки названа *Ивановскимъ*.

На другой день Фельдмаршалъ осматривалъ укрѣпленіе, и не найдя въ ономъ солдатскихъ казармъ, былъ весьма недоволенъ командующимъ отрядомъ. Все вниманіе и труды были употреблены на правильную и щеголеватую земляную опѣлку укрѣпленія, на раскрашиваніе крѣпостныхъ воротъ и перилъ, и на опѣлку Фельдмаршальскаго домика.— «Нѣтъ, милостивый государь! Вамъ надобно было заботиться не обо мнѣ: у меня есть исправная палатка, а о пріютѣ солдатъ—» сказала. . . опгадай кто? . .

Въ четырехъ верстахъ отъ укрѣпленія, между лѣсами на равнинкахъ, стояли непріятельскіе аулы, коихъ жители, въ продолженіе всего лѣта, не были обезпокоиваемы нашимъ отрядомъ. Не смотря на сіе Сапчуги, по примѣру Черноморскихъ казаковъ, на возвышеніяхъ, прилежащихъ къ ауламъ, построили вышки, на коихъ часовые ихъ не сводили глазъ съ нашего отряда; конные разъѣзды также не дремали. Между шѣмъ въ аулахъ жители, всегда готовые удалиться въ горы, занимались хозяйствомъ: собирали съ полей хлѣба, сѣно, и пасли стада. . . Вдругъ видящъ (15-го числа) приближающійся къ нимъ отрядъ. . . .

Ты не можешь себѣ вообразить, какая поднялась суматоха! Изъ опушки лѣсовъ, окружающихъ аулы, выскочило нѣсколько конныхъ Сапчуговъ, и не вѣря глазамъ своимъ издали, быстро приблизились къ нашему отряду, чшобъ разсмотрѣть, и вдругъ опять, увѣрившись, понеслись къ лѣсу, въ лѣсъ, и

подняли тамъ дикій сигнальный крикъ; стоящіе на вышкахъ часовые также кинулись скакать въ аулы; пастухи торопились угонять стада въ лѣсъ. Главнокомандующій приказаль казакамъ захватить угоняемый скопъ, на порцію; казаки исполнили сіе съ чрезвычайною охотою и скоростію: чрезъ нѣсколько минутъ было приведено болѣе ста штукъ рогатаго скота и 12 лошадей. Отряду приказано отступать къ укрѣпленію. Не успѣли отойдти ста шаговъ, какъ изъ опушки лѣса Сапчуги открыли ружейную пальбу, и вмгъ два казака и 3 или 4 лошади были ранены.

Октября 17, отрядъ Генерала Эммануеля прибыль на Шебжу. Онъ выступилъ отъ укрѣпленія при Длинномъ Лѣсѣ 6-го Октября; разстоянія было не болѣе 110 верстъ, но отрядъ шель одиннадцать дней! Причины сего медленнаго движенія были: отъ безпрерывныхъ проливныхъ дождей испорченная дорога, и частыя переправы чрезъ крутоберегія рѣчки, текуція съ горъ въ Кубань. Надобно было дѣлать мосты и длинный провіантскій транспортъ беречь отъ нападенія непріятеля, который при нѣкоторыхъ переправахъ дѣлалъ изъ лѣсовъ сопротивленіе.

По лѣвую сторону дороги, по коей тянулся отрядъ сей, живутъ Абазехи; по правую, къ Кубани, Темиргойцы, Кемкойцы, Керкинейцы и Хаишейцы; всѣ сіи мѣлочныя владѣнія, смотря на Джембулата, уже *мирнаго*, не только не сопротивлялись намъ, но даже помогали строитъ мосты; кромѣ сего, эши непримиримые донинѣ люди съ радо-

снѣю брали отъ солдатъ нашихъ лоскутки стараго холщеваго плаща, отдавая имъ за оное курами и табакомъ.

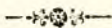
19-го все войско, до 8,000 человекъ, собравшееся на Шебжъ, было раздѣлено на двѣ колонны: правую и лѣвую; послѣдняя, подъ командою Генерала Эммануеля, безъ обозовъ, съ конно-линейною и горною артиллеріею, переправясь чрезъ Шебжу, до разсвѣта потянулась въ предгорія, для истребленія ауловъ, и вскорѣ, восходящее изъ за горъ солнце было привѣтствуемо пушечными выстрѣлами и густымъ пожарнымъ дымомъ. Въ продолженіе дня, при каждомъ аулѣ, обреченномъ на сожженіе, были слышны пушечные и ружейные выстрѣлы — напрасное сопротивленіе! Къ вечеру, на пространствѣ 15-ти верстъ, пылали зажигочные аулы дерзкихъ Сапчуговъ.

20-го числа, правая колонна Генерала Панкратьева, со всѣми обозами, артиллеріею, паркомъ, съ подвижными магазейнами и лазаретомъ выступила изъ Ивановскаго укрѣпленія въ Георгіевское на Афицъ, гдѣ переправясь чрезъ рѣку, расположилась лагеремъ. Фельдмаршалъ остановился въ укрѣпленіи.

21-го правая колонна, отойдя отъ Афицъ верстъ 12, и переправясь чрезъ рѣку Убинъ, остановилась лагеремъ. Здѣсь, въ разбѣянныхъ по рѣчкѣ аулахъ, было найдено все хозяйство Сапчуговъ, только что за три дни передъ симъ убѣжавшихъ съ семействами своими въ лѣса и горы. День былъ сырой, холодной. Пока переправлялись и войска

останавливались лагеремъ по ту сторону Убына , Фельдмаршалъ, со свитою и конвоемъ, захавъ въ одинъ изъ дворовъ аула , грѣлся у пылающаго ко-
спира , разложеннаго усердіемъ линейныхъ казаковъ,
и завтракалъ по походному. Приводятъ плѣннаго ,
пойманнаго казаками въ лѣсу. Полуодѣтый плѣн-
никъ былъ блѣденъ, и отъ страха и холода едва
могъ говорить. Графъ приказалъ поставитъ его къ
огню , дать водки , пирога и ласкать : плѣнникъ
ободрился , сталъ внимательно разсматривать сви-
ту Графскую, и потомъ, выпивши еще водки, сталъ
жаловаться на казаковъ , что они опили трубку
и табакъ. Одинъ изъ Графскихъ Адъютантовъ от-
далъ плѣннику свою трубку и горсть вагшшафу ;
плѣнный ободрился, закурилъ и сталъ разговорчивѣе.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

П И С Ь М А

О В О Й Н Ъ С Ъ З А К У Б А Н Ц А М И.

(окончаніе.)

— «Давно-ли эти аулы оставлены?» спросили его.— Два дня.— «Куда-же ушли жпшели?»— Одни въ горы, а другіе въ лѣса. — «Зачѣмъ-же они не встрѣчаютъ насъ, и не дерутся, какъ прежде то бывало?»—Имъ не до того: всякой старается спасти свое семейство.— «Что Сапчуги думаютъ о теперешнемъ положеніи ихъ?» — Они собирались на рѣкъ Абинѣ, толковали тамъ, и разъѣхались съ шѣмъ, чтобы обезпечивъ семейства свои въ горахъ, опять собраться противъ васъ на Абинѣ, и драться до послѣдняго. — «Ты Сапчугъ?» — Нѣтъ, Убыхъ (*).— «Зачѣмъ же ты здѣсь?»— Я взялъ въ плѣнъ, и продамъ сюда. — «Хочешь-ли, мы тебя опустимъ домой?» — Это бесполезно: меня опять поймутъ, продадутъ и мнѣ будетъ хуже. — «Ну, шакъ пойдемъ съ

(*) Убыхи живутъ по южную сторону Кавказскихъ горъ; говорятъ, что сей народъ есть родоначальникъ многихъ Кавказскихъ племенъ, и что занимаемая имъ теперъ земля, когда-то, принадлежала Греческой колоніи. И точно природа тамъ прекрасная. Виноградъ, разведенный Греками, еще и до сихъ поръ поддерживается Убыхами, великими охотниками до вина.

нами до Анапы, а опшуда ты можешь легко и безопасно добраться до своих?» — Нѣтъ, не хочу. — «Чего-жь ты хочешь?» — Отпустите меня опять въ *лѣсъ*.... — Во время сихъ распросовъ доложили Фельдмаршалу, что въ ближайшемъ лѣсу, разъѣзды Казаковъ поймали и привели Черкешенку, тѣхашую въ горы на арбѣ, запряженной парой воловъ. Распрашивавшіе досего плѣнника, всѣ, одинъ за другимъ, спали уходить, взглянуть на прекрасную и, возвратившись, увѣряли прочихъ, что плѣнница дѣйствительно чудо красоты! Графъ приказалъ было ее, и съ арбою, опустить, но каково тебѣ покажется: плѣнница не захотѣла на волю! Гдѣ я теперь, говорила она, найду своего мужа? Всѣ наши бросились въ горы; я опять могу попасться въ плѣнъ, да и мужъ мой, узнавши, что я была въ рукахъ у Рускихъ, не приметъ меня къ себѣ. — Главнокомандующій приказалъ отдать ее подъ покровительство служившимъ намъ Кабардинцамъ. Послѣ сего, что ты подумаешь о плѣнникѣ дикарѣ и о Черкешенкѣ? Первый при обѣщанной ему свободѣ, и при средствѣ возвратишься домой — просился опять въ лѣсъ, а та, будучи *временною*, не хотѣла возвратишься къ своему мужу!

Октября 22-го, правая колонна, при коей всегда находился Фельдмаршалъ, остановилась лагеремъ при рѣчкѣ Иль.

Здѣсь, на другой день, лѣвая колонна Г. Эммануеля присоединилась къ правой; длинная, 4-хъ фунтовая, мѣдная, Турецкая пушка, бѣзъ лафета, найденная въ аулѣ, была доставлена въ лагерь.

Фельдмаршалъ, видя трудность и даже невозможность, лѣсами, по узенькимъ, грязнымъ дорогамъ, двигаться съ обозамъ, приказалъ: подвижной магазинъ и лазаретъ, и артиллерійскій паркъ, оставить при рѣчкѣ Илъ въ вагенбургъ.

Октября 23, колонны выступили по верхней Анапской дорогѣ, и пройдя лѣсомъ версты 4, колонна Генерала Панкратьева, безъ обозовъ, отдѣлилась отъ насъ въ лѣво, въ горы, для истребленія тамъ жилищныхъ ауловъ, съ тѣмъ, что-бы къ вечеру, или, если не успѣетъ, на другой день рано, присоединиться къ главному отряду, долженствующему остановиться на рѣчкѣ Азипсѣ. Въ этотъ день, на походѣ, пріѣхалъ къ отряду Джембулатъ; свита его состояла человекъ изъ 12-ти, но какихъ!.. Джембулатъ былъ, какъ и другіе, вооруженъ одинаково, но зрительная труба, висящая чрезъ плечо, отличала его, какъ предводителя. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ Джембулата. — «Скажите имъ (Джембулату съ товарищами),» говорилъ Графъ, «что я весьма сожалею о томъ, что противъ воли моей долженъ съ войсками идти, оставляя по себѣ раззореніе и пожары!» — Джембулатъ и его сподвижники поклонились и отвѣчали, что дерзкіе и непокорные Сапчуги заслуживаютъ такое наказаніе. — Злодѣи! подумалъ я: а самъ ты давно-ли, нынѣшнимъ лѣтомъ, что дѣлалъ!...

24 числа, отрядъ перешелъ до рѣчки Гаплъ; 25 до рѣчки Аншхиръ; на этомъ переходѣ лѣсъ и дорога, до сего еще сносныя, сдѣлались непроходимыми: лѣсъ выше, чаще, продолжительнѣе;

дорога уже, вязче, грязнѣе! Уже передъ вечеромъ мы, такъ сказать, выкарабкались изъ лѣса. Предъ нами явилась довольно обширная, окруженная лѣсомъ, полянка, по коей извивалась рѣчка Гаплъ; передъ опушкою лѣса виднѣлись красиво разбросанные аулы. Впереди авангарда ѣхало нѣсколько Кабардинцевъ; выѣзжая изъ лѣса, они замѣтили двухъ Черкесовъ, верхами разъѣзжающихъ предъ противоположнымъ нашему лѣсомъ. Кабардинцы просили остановить авангардъ, а сами, двое-же, поскакали на встрѣчу разъѣзжающимъ Черкесамъ; подѣхавши на выстрѣлъ, Черкесы узнали непріятелей, схватились за ружья, Кабардинцы тоже — тѣ и другіе выстрѣлили — Черкесы пустились въ лѣсъ: одинъ изъ нихъ ушелъ; другаго схватили и привели къ Главнокомандующему.

Пока сіе дѣлалось, полки и артиллерія выходили изъ лѣса на полянку и останавливались лагеремъ. Пѣнный Черкесь, испуганный до полусмерти, сидя на конѣ позади своего побѣдителя, съ связанными въ локтяхъ руками, съ изумленіемъ озирался на всѣ стороны. «Спросите у него,» сказалъ Графъ переводчику, «есть-ли въ этихъ аулахъ жители?» — Нѣтъ; всѣ они, забравъ свои семейства, вчера удалились въ горы. — «Чтожь они не дерутся съ нами?» — Всѣ заботятся о спасеніи семействъ своихъ. — «А потомъ будутъ драться?» — Да, положено собраться на рѣкѣ Абннѣ. — «Какъ они говорятъ: много-ли у меня войска?» — Насъ увѣряли, что очень мало, а теперь я вижу, что очень много. — «Скажите: какъ ему не стыдно, имѣя такую хорошую лошадь и будучи такъ близко лѣса, не уйдти?» — Этому

виновать мой товарищъ : я говорилъ ему , что изъ лѣсу , съ горъ , показываются Рускіе , но онъ смѣялся и , называя меня бсзумнымъ , увѣрялъ , что Рускіе никогда ни приходили сюда съ горъ , а всегда со стороны Кубани.—Плѣннаго отдали подѣ присмотръ Кабардинцамъ. По срединѣ полянки , на лѣвомъ берегу Гапли , полки остановились лагеремъ. Изъ опушки лѣсовъ , окружающихъ полянку , стали показываться непріятельскіе разѣзды. На другой день , 26 Октябрю , число разѣзжающихъ Сапчуговъ безпрестанно увеличивалось. Колонна Генерала Панкратьева , долженствовавшая рано по утру присоединиться къ главной квартирѣ , не приходила ; густой лѣсъ и глубокая , полузамерзшая по дорогѣ грязь , дѣлали движеніе на колесахъ совершенно невозможнымъ. Фельдмаршалъ приказалъ и здѣсь , на Гаплѣ , оставить вагенбургъ и , на легкѣ , безъ повозокъ , безъ воловъ , выючныхъ подѣ артиллерійскими снарядами , приготовиться къ походу. Баталіонъ Нашебургскаго и Козловскаго полковъ , съ четырьмя легкими орудіями назначены , для охраненія вагенбурга ; въ разныя стороны , съ тремя сильными прикрытіями , послано для вагенбурга заготовлять фуражъ. Сапчуги сопротивлялись : поднялась перестрѣлка сильная. Между шѣмъ вагенбургъ началъ успроиваться. Кромѣ патронныхъ и артиллерійскихъ зарядныхъ ящиковъ , не приказано брать ни одной повозки. Къ полудню прибыла колонна Генерала Панкратьева. На другое утро , 27-го , продолжалась фуражировка до полудня ; но еще съ разсвѣтомъ дня небольшой авангардъ пошелъ впередъ , до рѣчки Бугундырь. Всѣ мы ожидали , что

авангардъ нашъ, при входѣ въ лѣсъ, встрѣшивъ сильное сопротивленіе — ничего не было! Къ двумъ часамъ послѣ полудня все было сдѣлано: вагенбургъ устроенъ и снабженъ фуражемъ; облегченные полки пронулись къ лѣсу; непріятельскіе разѣзды разсыпались по лѣсамъ.

Лѣсомъ, по узенькой, извилистой и грязной дорожкѣ, въ 7 часовъ вечера, войска дошли до рѣчки Бугундырь, гдѣ уже нашъ авангардъ успѣлъ сдѣлать хорошую переправу.

Октября 28-го, отрядъ маршировалъ далѣе, до рѣчки Абинъ; авангардъ былъ посланъ за нѣсколькими часами прежде. Не доходя до рѣчки Абинъ шести верстъ, Фельдмаршалъ приказалъ колоннѣ Генерала Эммануеля повернуть въ лѣво, въ горы, и, истребивъ аулы, къ вечеру быть къ главной квартирѣ; Генералу Панкратьеву слѣдовать вправо, по правому берегу рѣки, и пройдя верстъ 10, переправившись на другую сторону рѣки, а къ вечеру тоже присоединиться къ главной квартирѣ. Въ 10 часовъ утра, главная квартира, дойдя до авангарда, расположилась лагеремъ. День былъ тихій, ясный; въ лѣвѣ и въ правѣ гремѣли пушечные выстрѣлы и пылали аулы непокорныхъ Сапчуговъ. Къ вечеру оба отряда присоединились къ главной квартирѣ.

29-го числа, изъ лѣсовъ, окружающихъ лагерь, выѣзжали большіе паршіи Горцевъ и, приближаясь къ нашимъ Казачьимъ аванпостамъ, стрѣляли; къ 10-ти часамъ утра непріятельскіе отряды примѣтно увеличились. Фельдмаршалъ приказалъ 39-му

егерскому полку и вѣсь Кабардинцамъ, съ 4-мя орудіями, выступить изъ лагеря и, переправясь чрезъ Абинъ, ждать его пріѣзда. Фельдмаршалу хотѣлось испытать на дѣлѣ преданность и храбрость Кабардинцевъ, вызвавшихся служить при нашемъ войскѣ. Пока егерскій полкъ переправлялся чрезъ рѣку, пока выстраивался и скрытно подвигался впередъ, Сапчуги, двумя большими толпами, подвигались къ намъ ближе и ближе. Вдругъ приказано, давно уже пригошоеившимся Кабардинцамъ, броситься на ту и на другую непріятельскія толпы, съ тѣмъ чтобы опрѣзать ихъ опъ лѣса, что исполнили бы даже и наши Черноморскіе казаки. Но Кабардинцы тронулись съ мѣста лѣниво и гнались за Сапчугами не охотно! Сапчуги ушли, не потерявъ ни одного человѣка. «Видите-ли, каковы эти молодцы!» сказалъ Графъ окружающимъ его: «я этого ожидалъ.» Послѣ сего Главнокомандующій приказалъ батальонамъ идти влѣво, въ аулъ, чтобы занявъ оный, набрать шамъ на завтрашній день фуража, ибо Сапчуги и сами начали жечь сѣно, дабы лишить насъ продовольствія.

По возвращеніи въ лагерь, въ два часа по полудни, приказано батальону Нашебургскаго полка, съ четырьмя горными орудіями, выступить назадъ къ рѣчкѣ Бугундырь. Я удивился, ибо это былъ явный знакъ, что Главнокомандующій вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе идти къ Анапѣ. Передъ вечернею зарею былъ отданъ приказъ, чтобы войска были въ совершенной гошовности къ походу. Авангардъ выстукаетъ часомъ прежде, и по причи-

нѣ совершенно темной ночи , оставляешь по себѣ огни.

Въ 9 часовъ вечера всѣ войска , оставивъ биваки съ большими пылающими огнями , выступили по сѣдамъ авангарда , разложившаго по дорогамъ огни. Въ полночь отрядъ , пройдя лѣсомъ верстъ 12-ть , сѣлалъ на рѣчкѣ Бугундырь привалъ , гдѣ уже батальонъ , посланный впередъ , стоялъ на бивакахъ и ждалъ главнаго отряда. Привалъ продолжался три часа ; дулъ холодный , пронзительный вѣтръ. Солдаты , разложивъ большіе огни , грѣлись вокругъ опыхъ цѣлыми ротами. Самъ утомленный Фельдмаршалъ , въ полусбоженной шинели , лежалъ противъ пылающаго костра на клочкѣ сѣна , и , заслоняясь отъ жара рукою , грѣлся.

За двѣ минуты передъ симъ , здѣсь , на мупіной рѣчёнкѣ Бугундырь , на небольшой истоптанной полянкѣ , въ холодную , глухую осеннюю полночь , утомленный безпрерывнымъ двѣнадцати-дневнымъ за-Кубанскимъ походомъ , дрожа отъ холода и воображая о твоей мирной , *теплой* жизни , я начиналъ думать объ отставкѣ; но увидѣвъ Фельдмаршала Графа Эриганскаго , спокойно лежащаго у огня на клочкѣ сѣна , я раскаялся въ своемъ минушномъ негодованіи , и далъ себѣ слово еще прослужить одну за-Кубанскую кампанію. Въ два часа по полуночи , на Абинѣ , въ той сторонѣ гдѣ войско стояло лагеремъ , слышны были три пушечные выстрѣла. Послѣ узнано , что сіи выстрѣлы были сигнальные : Рускіе возвратились назадъ.

Въ 3 часа по полуночи ударили фельдмаршъ; черезъ

пять минутъ отрядъ пошелъ впередъ, до вагенбурга; оставленнаго на рѣчкѣ Анпхирѣ. Предъ разсвѣтомъ авангардъ отряда былъ уже на мѣстѣ, но вагенбурга тамъ не было: онъ за три часа предъ нами выступилъ къ нижней Анапской дорогѣ. Князю Бековичу-Черкасскому, выступившему изъ лагеря на Абинѣ съ двумя или тремя баталіонами, утромъ 31-го числа, приказано было снять вагенбургъ и вести его на нижнюю Анапскую дорогу (я пропустилъ сказать шебѣ объ этомъ прежде). И здѣсь, на Анпхирѣ, отрядъ сдѣлалъ только на два часа привалъ. Въ 8 часовъ, все опять пошло за авангардомъ Бековича, и въ 4 по полудни пришли на мѣсто.

На другой день отступленіе продолжалось по нижней Анапской дорогѣ, до перваго, оставленнаго на рѣчкѣ Илѣ, вагенбурга. Октября 31-го движеніе войскъ было до рѣки Убина. Оттуда, 1 Ноября, передъ полуднемъ, пришли на рѣчку Афиопъ, въ свое укрѣпленіе. Здѣсь Фельдмаршалъ опобѣдалъ, и съ небольшимъ прикрытіемъ поѣхалъ въ Екатеринодаръ, куда и прибылъ въ 4 часа вечера.

Во время возвратнаго похода войскъ, пророчествуемое прежними за-Кубанскими воителями сильное и убійственное преслѣдованіе войскъ нашихъ Горцами, къ общему ихъ изумленію, не сбылось.

Послѣ этого, не понятнаго для многихъ, за-Кубанскаго похода, я увѣренъ, что найдутся добрые, подобные Томѣ Томичу люди, которые будутъ съ удивленіемъ думать и говорить: «И такъ, Графъ

Эриванскій , имѣя до 10 тысячъ войска и до 40 орудій ; пройдя съ ними опъ рѣки Бѣлой до Абина и почти не встрѣчая сопротивленія — что сдѣлалъ? Сжегъ сотню ауловъ и вдругъ, ночью, успелными маршами — отступилъ назадъ... Удивительно! Почему онъ не пошелъ въ Анапу , и опшуда , какъ это и прежде бывало, не возвратился въ Екатеринодаръ чрезъ горы, двумя или тремя колоннами. Колонны сіи , истребляя на пуши своемъ *всѣ* , навели-бы на жителей горъ ужась , привели бы ихъ въ опчаяніе : и Горцы, въ одну кампанію, были-бы покорены навѣрное. А то теперь , покорно просимъ , на будущій годъ съ ними возиться! Дѣло будетъ претрудное: ибо они , не видя опъ такой громады войскъ нашихъ большого для себя вреда въ нынѣшнемъ году , на будущій , приготовившись, уже примушся для защиты себя и смѣле и осторожнѣе. Къ тому-же: бывало, за-Кубанскія кампаніи начинались въ Ноябрьъ и продолжались до исхода зимы , а теперь кампанія кончилась въ Ноябрьъ. Удивительно!...»

Не для сихъ Оомъ Оомичей, а для тебя, Платонъ, человека благоразумнаго , расскажу я первое намѣреніе Графа Эриванскаго, на счетъ вѣрнаго и прочнаго покоренія Горскихъ народовъ , и попомъ второе — лучшее , и непреложное.

Дѣло извѣстное и преизвѣстное всякому, что за-Кубанцы не пропускали ни одного лѣта, ни одной зимы , чтобъ не дѣлать по линіи грабежей , за что , въ опмщеніе, наши большіе и меньшіе отряды хаживали за Кубань : жгли аулы, забирали

рогатый скотъ и приводили плѣнныхъ. Если иногда Горцамъ приходилось худо, то они потчасъ, до будущаго года, успокоивали насъ — *присягами* и *аманатами*. Бывало также, что сильные, казалось рѣшительные отряды, по нижней Анапской дорогѣ, отстоящей отъ Кубани въ 10-ти и въ 20-ти верстахъ, пускались отъ Екатеринодара до Анапы (или обратно), и опшуда, чрезъ горы, ущеліями возвращаясь назадъ, жгли аулы, оставленные жителями, и нѣсколько дней заставляли ихъ въ горахъ шерпѣть холодъ и нужду. Послѣ сего все опять по прежнему приходило въ свой привычный порядокъ.

Во время сихъ грозныхъ путешествій, Горцы, при каждомъ выгодномъ для нихъ мѣстоположеніи, дѣлали завалы, при каждой переправѣ славили намъ вредныя сопротивленія, и наконецъ, перепятнавъ нашихъ солдатъ порядочно, охотно уступали храбрости Русскихъ — до слѣдующаго, выгоднаго для нихъ мѣстоположенія. Такимъ образомъ отряды наши, оставляя по себѣ пожары и уничтоженіе нѣсколькихъ ауловъ, платя за оное убитыми и ранеными, полуголодные, добивались до крѣпости Анапы, откуда, съ новыми запасами *сухарей*, продолжали, зимою, походъ свой чрезъ горы ущеліемъ, кратчайшею, но труднѣйшею дорогою, опять къ Кубани, и напоследокъ приходили въ Екатеринодаръ, совершенно изнуренные. — На слѣдующее лѣто, за-Кубанцы, всѣ сожженные Русскими аулы легко выстраивали вновь, и продолжали жить по прежнему. Частные, такъ сказать, охотничьи наши отрядики дѣлали для за-

Кубанцевъ болѣе зла, не теряя людей; но это не только не вело къ смирению, но болѣе и болѣе возжигало къ намъ ихъ ненависть.

Напримѣръ, зимою, когда замерзнетъ Кубань, вдругъ, на легкѣ, передъ полуночью, переправляется нашъ охотничій отрядецъ за Кубань, и скорымъ шагомъ, до назначеннаго въ жертву аула, идетъ верстъ 25. Передъ разсвѣтомъ, когда еще все спитъ, окружаютъ аулъ и начинается потѣха! Черезъ часъ отрядецъ, съ плѣнными людьми и животными, улетываетъ назадъ, назадъ, и въ тотъ-же день торжествуетъ побѣду на своей сторонѣ Кубани. Черкесы, въ свою очередь, точно такія-же штуки поутѣляютъ на нашей сторонѣ, и такимъ, издавна заведеннымъ порядкомъ, мѣняясь плѣнными, грабежами и сожженіемъ ауловъ и селъ, годъ отъ году растетъ взаимная ненависть.

Между сими враждующими народами (Черкесами и Черноморцами), по лѣвую сторону Кубани, живутъ, такъ называемые, *мирные Черкесы*, но ихъ приличнѣе называть *Благоразумными*: они не платятъ намъ никакой подати, и кромѣ сего имѣютъ право ѣздить на наши мѣповые дворы, учрежденные по Кубани, и вымѣнивать все необходимое для нихъ, за дрова, мѣха, медъ и даже за дикіе фрукты. Черноморцы ихъ не любятъ, говорятъ что они хуже не мирныхъ Черкесовъ, что они измѣнники, и часто, сговорившись съ не мирными, водятъ ихъ на нашу сторону для вѣрнаго грабежа. Это шакъ; но мы, кажется мнѣ, не имѣемъ права жаловаться на вѣроломство мирныхъ за-Кубанцевъ, и вотъ почему. По-

ложимъ , что мирные Черкесы, живущіе не далеко отъ Кубани, были-бы намъ преданы искренно, обо всякомъ зломъ покушеніи Горцевъ увѣдомляли насъ вѣрно и заблаговременно, и сами-бы, соединенно съ нашими, дѣйствовали противу нѣхъ усердно; тогда, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ сіи мирные аулы были-бы разграблены и уничтожены Горцами въ два часа. Какъ-бы они, мирные, могли защитить себя отъ быстрого, нечаяннаго набѣга множества Горцевъ? А мы можемъ-ли помочь имъ? Возможное-ли дѣло вдругъ собрать хотъ до 1000 Черноморскихъ Казаковъ, и съ нѣсколькими орудіями, не въ два часа, а хотя въ сутки, переправить ихъ чрезъ Кубань и, пройдя верстъ 20, поспѣть во время? Такое положеніе мирные очень хорошо понимаютъ, и на основаніи благоразумія хитрятъ въ пользу свою и своихъ, нѣмъ смѣлае, что мы ихъ, по необходимости, должны прощать, если-бы даже и явно замѣтили ихъ противъ насъ лукавство.

Вотъ, если-бы напримѣръ, передъ мирными аулами, для защиты ихъ отъ нападенія Горцевъ, построить небольшія укрѣпленія, и вооруживъ пушками, содержать въ нихъ хотъ небольшой гарнизонъ: тогда мирные, будучи обезпечены, были-бы намъ преданы искренно, и конечно-бы противъ Горцевъ дѣйствовали съ нами соединенно и смѣло. Да и не мирные, видя выгоды, даваемая Рускими мирнымъ, и зная вѣрную защиту, охотнѣе-бы стали переходить на равнины, подъ покровительство нашего Правительсва и пушекъ.

Наши мстительные отряды, кружившіе до сего за Кубанью, и оставлявшіе по себѣ пожары, да Русскія

могилы, ни чужь не виновны, что собранные ими отъ Горцевъ кляшвы и аманаты никогда не были дѣйствительны къ усмирению враговъ Кавказской линіи. Буйное своевольство Горцевъ не уймется до тѣхъ поръ, пока Рускіе не поступятъ съ ними, какъ Французы съ Алжиромъ, что, уже по всему видно, предпринято и начато.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, до личнаго своего обозрѣнія, по разсказамъ прежнихъ дѣлшнихъ войтелей, предположилъ было: построить за Кубанью укрѣпленія, начиная отъ Бѣлой рѣчки до Анапы, такимъ образомъ, чтобы ими отнять у Горцевъ всю равнину, безъ коей они не могутъ долго существовать, и потомъ, изъ сихъ укрѣпленій, снабженныхъ всѣми выгодами для гарнизоновъ, дѣлать во всякое время года частыя, такъ сказать, вылазки въ горы, и не давая Горцамъ покоя, принудить ихъ покориться, *объявивъ имъ до того самыя выгодныя для нихъ условія*; но послѣ, увидѣвъ, что построение и двухъ шаковыхъ укрѣпленій, съ возможными для ихъ гарнизоновъ на всю зиму выгодами, весьма мало соотвѣтствовало его ожиданіямъ, онъ рѣшительно отказался отъ сего плана завоеванія. Многіе было (въ томъ числѣ и я) принимались за новые планы завоеванія Кавказскихъ горъ, но вѣрнѣе перваго плана никто не находилъ ничего. — Начался походъ къ Анапѣ; загремѣли пушечные выстрѣлы, запылали аулы Сапчуговъ; всѣ занялись мыслию, какъ-бы отличиться и получить крестикъ или чиннокъ, и разумѣется, что о новомъ планѣ завоеваній позабыли и думать и говорить. . . — Вдругъ, случайно, я узнаю, что Фельдмаршалъ предположилъ, будущимъ лѣтомъ, проложитъ дорогу отъ Ку-

баши чрезъ горы, до Чернаго моря, и именно до залива Зеленчуга; что на этой дорогѣ вдругъ, и со стороны моря и со стороны Кубани, будутъ спроехшя укрѣпленія; что въ сихъ укрѣпленіяхъ, изъ сухаго сосноваго лѣсу, привезеннаго съ Дону моремъ и землею, построяшя сухія, со всѣми выгодами, красныя солдатскія казармы, лазареты, Шпаль и Оберъ Офицерскіе домки, и что все это поспѣетъ въ одно будущее лѣто.—Ты удивляешься, не понимаешь?—Услышишь. Каждое укрѣпленіе будетъ охраняемо двумя орудіями, и въ каждомъ будутъ еще по два, для движеній части гарнизона. Тогда шрядъ, или шряды, лѣтомъ или зимою, взявъ съ собою на шри, на четыре дни провіанта, идушь на легкѣ и по долинамъ и по горамъ — надѣдашь непокорнымъ Горцамъ, и потомъ, сдѣлавъ свое дѣло, возвращаются назадъ въ сухія и теплыя казармы, на вѣрное и пріятное отдохновеніе. Укрѣпленія, по сѣверную сторону горъ, будутъ всѣмъ надобнымъ снабжаться отъ Кубани, а по южную, Чернымъ моремъ. Одно изъ сихъ укрѣпленій, вмѣщающее 700 человекъ гарнизона, будетъ поставлено на перевалѣ Кавказскихъ горъ, откуда, я воображаю, будетъ видно и Черное море, и живописныя долины за-Кубанскія, и линія укрѣпленій съ ихъ телеграфами. Будетъ видно тихое движеніе нашихъ пѣшихъ колоннъ, шрансшортовъ, налетныя нападенія отчаянныхъ Горцевъ, и наконецъ пороховой и пожарный дымъ. . . .

Но, кажется, что послѣ сего пушечнаго сообщенія между Чернымъ моремъ и Черноморіемъ, наѣздническая жизнь неукротимыхъ до сего Горцевъ,

не скоро, но перейдетъ въ жизнь мирную, сельскую, и мѣсто острыхъ шашекъ и мѣткихъ ружей займутъ соха и серпъ. . . . — Пока довольно. Прощай. Кланяйся. . . .

Твой С.
